АВСТРІЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ЕГО БЫТОПИСАТЕЛЬ.

(1893 г.).

Недавно появились въ нѣмецкомъ переводѣ—подъ заглавіемъ: „Die Verlumpung der Bauern und des Adels in Russland“ —„Власть земли“, Глѣба Успенскаго, и „Оскудѣніе“, Сергѣя Атавы. Критики отнеслись съ большимъ интересомъ и вниманіемъ къ этимъ двумъ картинамъ на соціальныя темы изъ жизни русскаго народа, хотя, конечно, не вполнѣ правильно оцѣнили ихъ общественный смыслъ. Особенно странно то, что по отношенію къ крестьянству нѣмецкіе критики совсѣмъ забыли отмѣтить, что его р а з л о ж е н і е совершается почти всюду, гдѣ есть еще чему разлагаться. Государственные и общественные порядки, естественныя условія и т. д., при которыхъ совершается этотъ процессъ, а въ зависимости отъ этого—и его формы, могутъ быть совершенно различными въ разныхъ странахъ. Но основная причина явленія—всюду одна и та же. новые способы производства и передвиженія товаровъ и новыя формы обмѣна, словомъ, та совокупность хозяйственныхъ перемѣнъ, которая достаточно ясно характеризуется терминомъ к а п и т а л и з м ъ, всюду своимъ вторженіемъ разлагаетъ старые устои. Есть страны, въ которыхъ о крестьянахъ, строго говоря, не можетъ быть уже и рѣчи, какъ напр., въ Англіи [1]); во Франціи — классической странѣ западно-европейскаго крестьянства, крестьянское хозяйство переживаетъ

[1]) Конрадъ (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 8-te Lief, статья: Bauerngut u. Bauernstand, p 273) говоритъ, понимая всюду крестьянство въ западно-европейскомъ смыслѣ, что въ Англіи, Уэльсѣ и Шотландіи преобладаетъ безусловно крупная крестьянская собственность, которая по своему доходу при интенсивномъ скотоводствѣ соотвѣтствуетъ среднему прусскому дворянскому имѣнію (Rittergut).

мѣстами глубокій кризисъ, о чемъ свидѣтельствуетъ эмиграція въ Южную Америку; въ Германіи много говорилось и говорится о „паденіи крестьянства", хотя лучшій авторитетъ по этому вопросу—галльскій профессоръ Конрадъ — смотритъ очень оптимистично на положеніе нѣмецкаго крестьянства (l. c., стр. 283). Но то нѣмецкое крестьянство, положеніе котораго Конрадъ находитъ совершенно „здоровымъ", раздѣляется имъ на три группы (I — землевладѣніе отъ 2 до 5 гектаровъ; II—5—20 г.; III—20—100 г.), при чемъ главное значеніе, по мнѣнію Конрада, имѣетъ третья группа, которая фактически не можетъ обходиться безъ значительнаго участія въ хозяйствѣ наемнаго труда и состоитъ изъ мелкихъ земельныхъ капиталистовъ: этой группѣ принадлежитъ треть всей крестьянской земли въ Германіи. Австрія не обладаетъ, къ сожалѣнію, такой обще-аграрной статистикой, какъ Англія и Германія, и такой замѣчательной крестьянской статистикой, какъ земская Россія. Но всѣ знаютъ, что тамъ, гдѣ старыя хозяйственныя формы ведутъ отчаянную предсмертную борьбу съ новыми, являясь экономической основой политическихъ вожделѣній реакціонныхъ партій, „крестьянскій вопросъ" стоитъ на очереди. Противники такъ называемаго экономическаго либерализма приводятъ въ доказательство критическаго положенія австрійскаго крестьянства тотъ фактъ, что даже австрійскіе манчестерцы и ихъ органъ „Neue Freie Presse" признаютъ необходимость государственныхъ мѣропріятій въ пользу крестьянства. И дѣйствительно, въ текущую сессію извѣстный либеральный депутатъ-юристъ М. Менгеръ интерпеллировалъ правительство съ цѣлью узнать, что оно намѣрено предпринять для облегченія участи крестьянъ.

Въ настоящей статьѣ мы отнюдь не желаемъ всесторонне охарактеризовать положеніе австрійскаго крестьянства, тѣмъ болѣе, что по состоянію источниковъ это даже невыполнимо. Наша задача болѣе скромная: мы хотимъ только познакомить читателей съ однимъ частнымъ случаемъ болѣзненнаго процесса, совершающагося въ цислейтанскомъ крестьянствѣ, и съ его отраженіемъ въ литературѣ — съ разореніемъ австрійскаго альпійскаго крестьянства, изображеннымъ штирійскимъ поэтомъ-народникомъ Розеггеромъ въ романѣ „Яковъ Послѣдній" („Jakob der Letzte") [1]) и

[1]) Доп. 1901 г. Русскій переводъ его былъ напечатанъ въ 1897 г. въ „Новомъ Словѣ" съ небольшимъ предисловіемъ пишущаго эти строки. Позже въ нашей печати вообще стали появляться переводы Розеггера.

въ рядѣ статей. Но прежде чѣмъ перейти къ штиріискому крестьянству, намъ кажется полезнымъ сдѣлать одно замѣчаніе: читатель, быть можетъ, уже замѣтилъ изъ вышеприведенныхъ данныхъ о нѣмецкомъ крестьянствѣ, что подъ крестьяниномъ на западѣ разумѣется нѣчто иное, чѣмъ у насъ Мы при словѣ „крестьянинъ“ представляемъ себѣ земледѣльческую единицу, опирающуюся только на свой трудъ и не эксплуатирующую чужой рабочей силы, а крестьянство—по крайней мѣрѣ въ идеалѣ—мыслится нами, какъ совокупность такихъ равныхъ между собой хозяйственныхъ единицъ. Это представленіе лежитъ въ основѣ нашей сельской общины или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ изслѣдователей считается ея основнымъ жизненнымъ началомъ. Не таковъ — въ общемъ—крестьянинъ западно-европейскій: наемный трудъ для него считается необходимымъ; въ сельскохозяйственномъ „рабочемъ вопросѣ“ большинство такъ называемаго крестьянства является представителемъ интересовъ предпринимательскихъ, а не рабочихъ. Люди, защищающіе интересы этого крестьянства, не только не заражены „идеей равненія“, но даже относятся къ представителямъ ея съ явной враждой и недоброжелательствомъ.

Прежде всего—о самомъ Розеггерѣ [1]). Онъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ современныхъ нѣмецкихъ писателей. Это—писатель-народникъ Конечно, мы напрасно стали бы искать въ его произведеніяхъ ту глубину мысли и чувства, которая характеризуетъ нашихъ такихъ же народниковъ—Успенскаго и Златовратскаго. Идеалы нѣмецкаго народника много ниже идеаловъ авторовъ „Власти земли“ и „Устоевъ“. Если послѣдніе пристрастны иногда къ народу и нѣкоторымъ формамъ его быта, то только потому, что они видятъ въ этихъ формахъ осуществленіе самыхъ дорогихъ общечеловѣческихъ идеаловъ; Розеггеру такіе идеалы совершенно недоступны, онъ любитъ свой народъ чисто непосредственной любовью, а тамъ, гдѣ у него является рефлексія, ее, къ сожалѣнію, приходится назвать довольно низко пробной. Въ отличіе отъ нашихъ писателей нѣмецъ часто сентименталенъ. Нѣмцы вообще спеціалисты по части Gemüt'a, но в

---

[1]) О немъ въ нѣмецкой литературѣ есть любопытный этюдъ A Свободы (Adalbert V Svoboda P K Rosegger, Eine Lebens und Charakterskizze Breslau)

этой области имъ почти всегда измѣняетъ поэтическая, да и всяческая правда; къ тому же они—слишкомъ мало реалисты. Настоящій реализмъ у нѣмцевъ—или привозный продуктъ, или имитація.. Розеггеръ, несмотря на то, что онъ изображаетъ среду, въ которой самъ выросъ, и съ которой до сихъ поръ поддерживаетъ крѣпкія связи, не можетъ возвыситься до того мощнаго реализма, предъ которымъ исчезаетъ всякое благодушіе.

Біографія Розеггера интересна не только какъ біографія всякаго дѣятеля, вышедшаго изъ народа. Самое драгоцѣнное во всей его жизни и дѣятельности—именно то, что онъ, поднявшись надъ своей средой, всѣ силы отдалъ ей—этой, если не темной, то во всякомъ случаѣ с ѣ р о й средѣ. Онъ ввелъ ее въ литературу и здѣсь громко защищалъ ея интересы Благодаря Розеггеру, штирійскій „лѣсной крестьянинъ“ (Waldbauer) занялъ почетное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ, и его горькая судьба, его тяжелая борьба за существованіе стали извѣстны тамъ, куда рѣдко проникаютъ чужіе общественные интересы, и гдѣ не утруждаютъ себѣ головъ экономическими вопросами.

Въ романѣ Розеггера главное дѣйствующее лицо — крестьянинъ лѣсной деревушки—Яковъ Штейнрейтеръ. Въ немъ штирійскій поэтъ изобразилъ лучшія черты своего народа и на немъ же показалъ глубоко трагическую судьбу крестьянства, ставшаго э к о н о м и ч е с к и н е н у ж н ы м ъ и выжимаемаго изъ насиженныхъ мѣстъ оленями, козулями, зайцами и всяческой другой дичью. Романъ Розеггера — не широкая натуралистическая картина во вкусѣ Золя. Для того, чтобы дать такое произведеніе, у Розеггера не достаетъ художественныхъ средствъ и объективности. Онъ самъ говоритъ, что его книга написана не только для того, чтобы дать грустную картину внѣшнихъ условій, но главнымъ образомъ для того, чтобы изобразить тѣ страданія, которыя эти внѣшнія условія вносятъ въ человѣческое сердце, въ сердце героя романа. Но авторъ понималъ, что онъ изображаетъ „язву растущую“ и для чего онъ это дѣлаетъ. „Эта книга, — такъ начинаетъ онъ свое предисловіе, — преслѣдуетъ болѣе глубокую цѣль, чѣмъ простое развлеченіе читателя. Ея задача—изобразить странное и важное явленіе современности; она должна дать картину разоренія крестьянства въ нашихъ Альпахъ. Меня почти лично задѣваетъ все, что касается крестьянскаго сословія, и такимъ образомъ мое сердце заставило меня написать эту книгу“.

Къ маленькой деревушкѣ Альтенмоосъ подбирается богатый

землевладѣлецъ Кампельгерръ. Онъ скупаетъ крестьянскія земли для того, чтобы расширить и округлить свою „охоту“. Розеггеръ не видитъ, что этотъ самый фактъ скупки крестьянскихъ участковъ и обращенія ихъ въ сплошной охотничій паркъ есть слѣдствіе и симптомъ какого-то глубокаго экономическаго процесса. Онъ видитъ только ту ужасную драму, въ которую выливается этотъ процессъ и изображаетъ ее съ болью въ сердцѣ... Вотъ одинъ крестьянинъ Кначель уже продалъ свою землю и домикъ Кампельгерру и является къ Якову. Онъ съ удовольствіемъ разсказываетъ ему новость. „Видалъ ты когда нибудь тысячный билетъ?“—ухмыляясь, говоритъ онъ сосѣду и вытаскиваетъ эффектную бумажку, которую съ удивленіемъ и почтеніемъ разсматриваютъ всѣ домочадцы Якова. Съ наслажденіемъ игрока, энергично выбрасывающаго своего лучшаго козыря, Кначель вынимаетъ второй тысячный билетъ. Но Яковъ только качаетъ головой и спрашиваетъ: „какъ можно продать свой домъ?“ Такъ начинается драма обезземеленія и выселенія лѣсныхъ крестьянъ. Яковъ является въ ней воплощеніемъ консервативнаго начала—непреодолимой любви къ своей землѣ и родинѣ. Случайно, прогуливаясь въ праздникъ съ маленькимъ сыномъ, онъ встрѣтилъ на дорогѣ уѣзжающаго Кначеля; при этомъ ребенокъ спрашиваетъ отца: „это человѣкъ съ тысячными билетами?“ Отецъ не отвѣчаетъ, но вотъ онъ подняль кусокъ земли и, раздумывая, началъ его разсматривать. „Что это такое“—снова спрашиваетъ сынишка.—„Это нашъ тысячный билетъ“,—говоритъ отецъ.—„Онъ не можетъ ни разорваться, ни сгорѣть. Въ муку я его могу столочь, по воздуху разсѣять, и все-таки онъ не погибнетъ. И если человѣкъ о немъ заботится, а Богъ посылаетъ съ неба солнечный свѣтъ и дождь, то онъ—вѣрное добро и каждый годъ приноситъ проценты“. Эта сценка неправдоподобна и потому нехудожественна, но она сразу даетъ понять читателю, что̀ за личность Яковъ. Скоро за Кначелемъ послѣдовалъ другой крестьянинъ, на этотъ разъ самый первый богачъ во всей деревнѣ. Онъ прельстился крупной суммой, которую ему предложилъ Кампельгерръ. Этотъ послѣдній въ романѣ Розеггера—представитель всѣхъ тѣхъ темныхъ экономическихъ и общественныхъ силъ, которыя подкапываются подъ крестьянина. Яковъ съ другими односельчанами идетъ отговаривать деревенскаго богача отъ продажи земли. Въ разговорѣ они естественно переходятъ на личность скупщика. Кто онъ такой? Одинъ сосѣдъ спрашиваетъ другого:

„Неужто у Кампельгерра такъ много денегъ?“ — „Чертовски много“,—отвѣчаетъ другой и увѣряетъ, что если бы этотъ богачъ сталъ безъ передышки пересчитывать свои кредитки, то онъ за этимъ дѣломъ померъ бы съ голода. Отецъ его былъ въ Венгріи хлѣботорговцемъ, а у него самого были прежде фабрики и даже цѣлую желѣзную дорогу онъ построилъ, но теперь онъ развязался со всѣмъ этимъ и кинулся на землю. Лѣсъ тоже чего-нибудь да стоитъ, а къ тому же охота—славная забава. Попытка Якова и его товарищей убѣдить деревенскаго богача не продавать своего хутора потерпѣла, разумѣется, фіаско. Богачъ заявилъ, что ему надоѣло возиться съ батраками и бѣдными односельчанами, платить высокіе поземельные налоги и быть рабомъ погоды. Онъ купитъ себѣ дачу внизу, въ долинѣ и тамъ, *отрѣзывая купоны*, будетъ себѣ жить припѣваючи. „И наплевать мнѣ тогда на погоду“.

Такъ Альтенмоосъ лишился своего самаго богатаго крестьянина: въ тѣло лѣсной деревушки большимъ клиномъ врѣзался пришлый вампиръ. Прежде мужики арендовали у сосѣднихъ землевладѣльцевъ выгоны. Теперь, когда новый собственникъ соединилъ почти всѣ окрестныя земли въ своихъ рукахъ, этотъ обычай былъ отмѣненъ, на словахъ — ради лѣсныхъ культуръ, на самомъ же дѣлѣ по другимъ мотивамъ. Впрочемъ, главный лѣсничій скоро пересталъ скрывать свои истинные разсчеты. Если не давать мужикамъ выгоновъ, то имъ нельзя будетъ держать скота, и они скоро разорятся и тогда волей-неволей продадутъ свои земли, на которыхъ вмѣсто людей будутъ разгуливать зайцы и олени. Мужикъ былъ всегда врагомъ дичи, а потому мужика надо... истребить. Кампельгерръ въ романѣ Розеггера самъ почти не появляется, злое дѣло творитъ его покорный слуга — главный лѣсничій, который у Розеггера, быть можетъ, тенденціозно представленъ воплощеніемъ всѣхъ дурныхъ качествъ. Онъ жестокъ, хитеръ, сладострастенъ и вдобавокъ еще не нѣмецъ, а полякъ (кстати замѣтимъ, что, кажется, ни въ одной австрійской землѣ такъ не процвѣтаетъ нѣмецкій націонализмъ, какъ въ Штиріи, а въ Грацѣ обитаютъ самые пламенные во всемъ свѣтѣ поклонники Бисмарка). Розеггеръ рисуетъ цѣлый рядъ сценъ, въ которыхъ лѣсничій обдѣлываетъ свое дѣло. У Якова онъ пытается сначала сбить съ толку жену, у другого крестьянина онъ является въ критическую минуту взысканія недоимокъ и разомъ одерживаетъ

побѣду. Всюду онъ вноситъ горе. Деревенскій богачъ продалъ свой хуторъ, распустилъ своихъ батраковъ.

На землѣ дѣлать имъ было уже нечего, и ихъ прежній хозяинъ далъ имъ добрый совѣтъ спуститься подъ землю, наняться въ работники на угольныхъ копяхъ. Розеггеръ не понимаетъ, кажется, что во всемъ „оскудѣніи" дорогихъ ему лѣсныхъ крестьянъ виноваты не Кампельгерръ и его лѣсничій, не вредная страсть мужиковъ къ нарядамъ, роскоши и т. п., а какіе-то безличные враги, обстоятельства, въ родѣ развитія крупной промышленности и угольнаго производства, американской, русской и венгерской конкурренціи, — что и про Кампельгерра съ его клевретами можно сказать извѣстное изреченіе: Sie glauben zu schieben und werden geschoben — самими стихійными историческими силами. Конечно, поэту нѣтъ дѣла до этихъ объективныхъ силъ, которыя двигаютъ людьми на жизненной сценѣ, однихъ поднимая, другихъ раздавливая. Онъ видитъ только человѣческое горе и человѣческую низость, скорбитъ и негодуетъ...

Вотъ молодой мужикъ нашелъ себѣ невѣсту и мечтаетъ уже о томъ времени, когда онъ поведетъ ее хозяйкой въ свой домъ, но старикъ-отецъ прельстился тремя тысячами и продалъ, не долго думая, свой хуторъ. И мечты сына разсыпались въ прахъ; онъ пошелъ работникомъ на желѣзный заводъ. Рядъ такихъ драмъ, героями которыхъ являются маленькіе люди,—одна другой страшнѣе,—разыгрывается передъ глазами читателя. Деревушка пустѣетъ, а выселенцы, по большей части, оказываются побѣжденными въ тяжелой борьбѣ за существованіе на полѣ свободной конкурренціи.

Цѣлая глава романа посвящена столкновенію крестьянина—героя романа—съ его работникомъ, который недоволенъ своимъ положеніемъ и хочетъ уйти на желѣзный заводъ. Этотъ эпизодъ—живая и даже художественная иллюстрація явленія, составляющаго злобу дня въ Австріи и серьезно обсуждаемаго въ прессѣ и представительныхъ собраніяхъ—ландтагахъ и рейхсратѣ. Объ этомъ явленіи мы будемъ говорить ниже, а теперь посмотримъ, что же дѣлается дальше въ Альтенмоосѣ. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ первый деревенскій богачъ продалъ свою усадьбу и изъ слишкомъ двадцати крестьянскихъ дворовъ осталось три. Дорога, ведущая въ деревню, испортилась, нужно было ее починить, и Яковъ отправился къ управляющему Кампельгерра попросить его содѣйствія, такъ какъ Кампельгерръ

теперь вступилъ въ права тѣхъ членовъ сельскаго общества, которые продали ему свои участки. Но только — въ права, обязанностей же онъ никакихъ не принялъ на себя: его нельзя заставить поддерживать школу, церковь и дороги, которыми онъ не пользуется. Если ему понадобится дорога, онъ ее проложитъ безъ всякой чужой помощи.—Погодите, крестьяне, пока лѣсъ подрастетъ, пока онъ станетъ охотничьимъ паркомъ, къ которому надо будетъ устроить проѣздъ. Солидарное общество земледѣльцевъ, такимъ образомъ, уже разрушено: уцѣлѣвшіе члены его на каждомъ шагу сталкиваются съ „бариномъ", интересы котораго діаметрально противоположны крестьянскимъ. Вся жизнь деревушки пошатнулась. Прежде крестьяне нанимали въ учителя отставного фельдфебеля. Но „переселенческая зараза" унесла и фельдфебеля: онъ нанялся горнорабочимъ на желѣзный заводъ (Штирія славится своимъ желѣзодѣлательнымъ производствомъ). „О крестьянахъ,—продолжаетъ авторъ,—не заботилось больше никакое вѣдомство. Лѣсные мужики, правда, платили свои подати за школу; но на крестьянскія деньги въ городахъ строятъ школьные дворцы, картинныя галлереи, театры. А потомъ упрекаютъ мужика въ томъ, что онъ дикъ и неученъ, смѣются надъ нимъ и надуваютъ его. Мужикъ, если ты самъ не можешь помочь себѣ,—ты погибъ!" Эта тирада, очевидно, невольно вылилась изъ-подъ авторскаго пера, и читатели, конечно, не могутъ претендовать на такое во всякомъ случаѣ поучительное „лирическое отступленіе".

Всюду—говоритъ нѣмецкая пословица—устроено такъ, чтобы деревья не вростали въ небо; только для лѣсныхъ мужиковъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ господскими лѣсами, деревья расли и выросли, наконецъ, до такой вышины, что лучи солнца перестали уже попадать въ достаточномъ количествѣ на ихъ узкія полосы. Мужикъ долженъ ползать и пресмыкаться передъ управляющимъ, который милостиво приказываетъ срубить нѣсколько невольныхъ враговъ мужицкаго поля, но не упускаетъ случая сказать „предмету своей милости": „милые, я, вѣдь, могу васъ задушить, могу васъ лишить воды и уморить".

Героя романа постигаетъ цѣлый рядъ несчастій, послѣдовательно вытекающихъ одно изъ другого: сынъ попадаетъ въ солдаты, жена съ горя умираетъ, зять и дочь покидаютъ родное мѣсто, но и безъ этихъ, впрочемъ, вовсе не придуманныхъ авторомъ, ударовъ судьбы жизнь Якова должна была бы траги-

чески окончиться. Онъ не хочетъ послѣдовать примѣру другихъ, не хочетъ самъ сдаться на капитуляцію оленямъ и зайцамъ, но сила вещей сломитъ его. Дичь все плотнѣе и плотнѣе наступаетъ на мужика, который въ виду существующихъ законовъ объ охотѣ, долженъ спокойно смотрѣть, какъ его поля топчутся охотящимися господами, какъ въ его огородъ забираются олени; выпускать скотину на пастьбу онъ тоже не можетъ, такъ какъ она рискуетъ попасть подъ барскій выстрѣлъ Правда, за ущербъ крестьянинъ получитъ вознагражденіе „по расцѣнкѣ"; за уступленное барину право охоты онъ получитъ свою грошевую долю. Но хозяйничать онъ не можетъ. Тѣнь, падающая отъ лѣса, все растетъ и растетъ. такъ что даже репейникъ пересталъ цвѣсти, а дичь становится все смѣлѣе и смѣлѣе. Вотъ нѣсколько иллюстрацій того. какъ дичь съѣдаетъ мужика. Олени поѣли у Якова капусту. По оцѣнкѣ онъ получаетъ 4 крейцера за кочанъ, всего 8 гульденовъ. Такова цѣна внизу, въ долинѣ. Но осенью—распутица, и ничего привезти въ горную деревушку нельзя. „Посѣять мнѣ, что ли, —протестуетъ мужикъ,—ваши кредитки. Да вѣдь изъ нихъ теперь, поздней осенью, не вырастетъ капуста. Милостивые господа, цѣна капусты для меня совсѣмъ другая, чѣмъ для васъ. Вамъ капуста только приправа, мнѣ она—кушанье". Другой разъ олень полакомился спѣлымъ овсомъ. Для того, чтобы получить вознагражденіе за убытки, мужикъ долженъ былъ погодить съ жатвой Между тѣмъ выпалъ снѣгъ. и когда оцѣночная комиссія увидѣла снѣжное поле, то она предложила мужику подать жалобу на Господа Бога .. Не утерпѣлъ, наконецъ, какъ-то Яковъ, пристрѣлилъ оленя на огородѣ и самъ заявилъ объ этомъ управляющему. Мужика засадили въ кутузку, и въ то время, какъ онъ отсиживалъ тамъ, Кампельгерръ „засѣдалъ въ парламентѣ и произносилъ блестящія рѣчи о честномъ работникѣ съ мозолистыми руками, о человѣческихъ правахъ бѣдняковъ, о потѣ земледѣльцевъ" и т. д.

Силы „послѣдняго" мужика истощаются; въ это время онъ получаетъ письмо отъ сына. котораго онъ считалъ убитымъ на войнѣ, и который между тѣмъ устроился и прочно обосновался въ Новомъ Свѣтѣ; сынъ зоветъ отца къ себѣ въ новыя мѣста, гдѣ человѣкъ на каждомъ шагу вытѣсняетъ дичь, а не дичь—человѣка. Но помните, читатель, альпійская дичь потому и вытѣсняетъ альпійскаго крестьянина, что тамъ, гдѣ-то за океаномъ и ближе—въ Россіи, даже подъ бокомъ у штирійскихъ крестьянъ,

въ Венгріи, сталъ производиться „дешевый“ хлѣбъ. Какъ дорого обходится эта дешевизна крестьянину на западно-европейскомъ континентѣ! Яковъ остается вѣренъ самому себѣ до конца. Онъ собирается ѣхать въ Америку, чтобы вернуть сына и его семью изъ Новаго-Альтенмооса въ старый. Но онъ не успѣваетъ привести свой планъ въ исполненіе и падаетъ жертвой дичи... Снова олень забрался на мужицкое поле. Яковъ рѣшается его пристрѣлить и натыкается при этомъ на барскаго лѣсничаго. Послѣ непродолжительнаго, но рѣзкаго объясненія, вмѣсто оленя падаетъ лѣсничій. Убійца кончаетъ самоубійствомъ.

Такъ трагически завершается исторія крестьянскаго разоренія, нарисованная Розеггеромъ въ его интересномъ романѣ. Депутатъ отъ одного изъ штирійскихъ сельскихъ округовъ въ австрійскомъ рейхстагѣ и штирійскомъ ландтагѣ, Карлъ Морре [1]) говоритъ: „Кто хочетъ основательно познакомиться съ печальными условіями, вытѣсняющими альпійскихъ крестьянъ изъ ихъ родины, пусть прочтетъ книгу Розеггера: „Яковъ послѣдній“. Съ потрясающей вѣрностью изображается тутъ положеніе вещей, которое отнимаетъ жизненныя силы у одного изъ славныхъ нѣмецкихъ племенъ и отчуждаетъ его отъ родины... Никто, быть можетъ, не проникаетъ такъ глубоко въ душу альпійскихъ жителей, какъ Розеггеръ, истинный сынъ горнаго племени, правдивый поэтъ Альпъ“ (Karl Morre, „Die Arbeiterpartei und die Bauernfrage“. Graz, 1890, стр. 39).

„Яковъ послѣдній“ появился въ 1889 году Недавно Розеггеръ снова напомнилъ своимъ соотечественникамъ о „погибающемъ крестьянинѣ“. Въ № 11 журнала „Grenzboten“ [2]) за прошедшій годъ онъ помѣстилъ статью: „Крестьянство—наше единственное спасеніе“.

[1]) Морре—самъ писатель сценъ изъ народнаго быта Нѣкоторыя его пьесы, проникнутыя сильнымъ демократическимъ духомъ, очень популярны Онъ принадлежитъ къ нѣмецко-національной партіи (deutschnationale Partei), которая въ сферѣ политической выдвигаетъ на первый планъ національные интересы австрійскихъ нѣмцевъ, въ сферѣ экономической—поддержаніе „мелкаго самостоятельнаго производителя“, т е крестьянства, и ремесленнаго сословія (Kleingewerbe).

[2]) Этотъ журналъ издается въ Лейпцигѣ и съ очень радикальной соціальной программой совмѣщаетъ антисемитизмъ и т п. Нужно, впрочемъ, къ чести Розеггера сейчасъ же замѣтить, что онъ печатно высказался противъ антисемитизма, и это—очень много въ виду того колоссальнаго развитія, которое эта соціально-психическая эпидемія получила въ Австріи

„Странный двойной вопль,—говоритъ авторъ,—раздается по нашей странѣ. „Работы, работы дайте намъ!"—кричатъ въ городѣ. „Рабочихъ, рабочихъ намъ нужно!"—вопятъ въ деревнѣ крестьяне Въ городахъ постоянно строятъ дома и то не могутъ справиться съ жилищной нуждой; въ деревнѣ дома и избы пустуютъ. Въ городахъ постоянно угрожаетъ голодовка, которой хотятъ помочь дорогимъ (?!) американскимъ хлѣбомъ; въ деревнѣ поля лежатъ необработанными; по обезлюдѣвшимъ крестьянскимъ землямъ бродятъ дикія козы, предметъ охотничьяго спорта важныхъ господъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло у насъ въ Альпахъ, но, какъ слышно, отчасти то же самое происходитъ и въ равнинахъ (Flachland): крестьянство и тамъ, и здѣсь идетъ на встрѣчу своему разоренію". Почему?—спрашиваетъ дальше поэтъ и тутъ вдается въ разсужденія, характерныя и интересныя потому, что они ясно показываютъ, какъ отражается на выводахъ и сужденіяхъ безспорно отзывчиваго и умнаго человѣка узость соціальнаго міровоззрѣнія и незнакомство съ столь часто осмѣиваемой и заподозриваемой „теоріей". Изъ вѣрныхъ посылокъ тутъ дѣлаются невѣрные выводы; добрыя чувства приводятъ чуть-ли не къ обскурантизму и заставляютъ вздыхать о порядкахъ, ставшихъ невозможными и ненужными и могущихъ быть только помѣхой общественнаго развитія. Авторъ говоритъ, что теперь слишкомъ много стали требовать и брать съ крестьянина (кстати, онъ забываетъ сказать, что прежде брали не только слишкомъ много, но даже безмѣрно). „Крестьянинъ достаточно даетъ государству тѣмъ самымъ, что онъ крестьянинъ. Но отъ него требуютъ еще всякія вещи другого рода: на счетъ его платежей хотятъ эксплуатировать государственныя желѣзныя дороги, которыя привозятъ иностранный хлѣбъ; на счетъ тѣхъ же крестьянскихъ податей хотятъ содержать городскія школы, которыя отрываютъ отъ земли способныхъ крестьянскихъ дѣтей и увлекаютъ ихъ въ высшія учебныя заведенія; на крестьянскій же счетъ стремятся отнести содержаніе бюрократическаго механизма администраціи и полиціи, отъ котораго крестьянинъ рѣдко видитъ пользу и очень часто препятствія; наконецъ, на его же счетъ падаетъ содержаніе колоссальной арміи, защитой которой въ случаѣ нужды, конечно, ни одно сословіе не будетъ такъ мало пользоваться, какъ крестьянское". Много еще другихъ внѣшнихъ причинъ приводятъ къ гибели крестьянство, но и самъ крестьянинъ не безъ вины. Онъ неумѣло хозяйни-

частъ: или онъ остается при первобытныхъ способахъ, или *столь же нерационально* бросается на нововведенія и прогораетъ. Только очень немногіе держатся единственно правильнаго средняго пути между старымъ обычаемъ и новыми требованіями. Затѣмъ крестьянинъ потерялъ свою сословную гордость (Standesehre) Онъ стыдится своего званія. „Жизнь деревенскаго работника,—говоритъ Розеггеръ,—среди природы, при здоровомъ трудѣ и патріархальныхъ семейныхъ условіяхъ—великолѣпная жизнь сравнительно съ зависимымъ существованіемъ городского жителя. Но тѣмъ не менѣе потокъ людей стремится изъ деревень въ города, и крестьянинъ-хозяинъ напрасно вопитъ о помощи, о рабочихъ. Убѣдившись въ томъ, что эти вопли дѣйствительно „гласъ вопіющаго въ пустынѣ“, онъ самъ бросаетъ свою землю и идетъ въ городъ“.

Между прочимъ, Розеггеръ упрекаетъ также школу и духовенство въ томъ, что они не воспитываютъ въ крестьянахъ любви къ своему званію и труду.

Въ концѣ своей статьи альпійскій поэтъ приходитъ къ вопросу: что же дѣлать? И смѣло отвѣчаетъ: возвратить деревнѣ ту массу людей, которая отнята у нея городомъ и сидитъ тамъ безъ работы. „Назадъ въ деревню, въ горы, расчищать поле, пахать и собирать жатвы!“ И это обратное теченіе должно захватить не только грубую рабочую силу; въ немъ должна участвовать и „избыточная“ интеллигенція. „И крестьянство нуждается въ умныхъ людяхъ: крестьянинъ, который хочетъ дѣльно вести смѣшанное хозяйство, долженъ для этого учиться—въ своемъ родѣ не меньше, чѣмъ иной „ученикъ въ городѣ“. Но какъ устроить это возвращеніе изъ города въ деревню?—спрашиваетъ Розеггеръ. Газетными статьями и банкетными рѣчами тутъ ничего не подѣлаешь; нужно, чтобы нашлись люди, которые подали бы въ этомъ дѣлѣ живой примѣръ. „Если бы я былъ самъ здоровымъ горожаниномъ,—говоритъ авторъ,—и имѣлъ небольшое состояніе, то я не помѣстилъ бы его въ какомъ-нибудь торговомъ или промышленномъ предпріятіи, а купилъ бы себѣ въ красивой мѣстности (не даромъ поэтъ!) крестьянское имѣніе (Bauerngut) и сталъ бы вести тамъ естественную, самостоятельную и счастливую жизнь въ сторонѣ отъ зловѣщаго шума современности. И если бы у меня нашлись многочисленные подражатели, то такой образъ дѣйствій постепенно сталъ бы считаться честнымъ, патріотическимъ и аристократическимъ, и дѣло было бы выиграно. Рабочій народъ

(das dienende Volk) самъ бы уже послѣдовалъ за нами (würde schon selber folgen)". Новая кровь была бы влита въ умирающее крестьянство и оживила бы его Такимъ образомъ выросла бы новая консервативная сила. Міровоззрѣніе Розеггера характеризуется еще, между прочимъ, слѣдующими заключительными словами. „Когда наши государственные люди, представители и друзья народа будутъ разбужены шумомъ пролетаріата, съ крикомъ и угрозами требующаго на улицахъ работы, хлѣба и кое-чего другого, то пусть они вспомнятъ, что исторически-консервативное государство не имѣетъ другого болѣе могущественнаго и вѣрнаго союзника, чѣмъ крѣпкое крестьянство. Они должны создать его во что бы то ни стало, ибо отъ этого, по общепринятому мнѣнію необразованнаго, сословія зависитъ дальнѣйшее существованіе нашей цивилизаціи" (Grenzboten 1892, № 11, стр. 513—518).

Въ отвѣтъ на свою статью, Розеггеръ, самъ издающій въ Грацѣ очень популярный беллетристическій ежемѣсячникъ „Heimgarten", получилъ массу писемъ, изъ которыхъ нѣсколько онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ. Изъ нихъ особеннаго, вниманія заслуживаетъ письмо профессора вѣнской сельскохозяйственной академіи (Hochschule fur Bodenkultur) Вилькенса. Ученый агрономъ пишетъ Розеггеру: „Я понялъ вполнѣ жизнь австрійскаго крестьянина только тогда, когда прочелъ вашу книгу: „Die Aelpler" Но въ то же время его будущность явилась для меня въ очень мрачномъ свѣтѣ. Это приводитъ меня къ слѣдующему вопросу, который я ставлю вамъ, какъ поэту, проникающему своимъ взоромъ въ будущее. Вѣрите ли вы въ возможность экономическаго спасенія австрійскаго (католическаго) альпійскаго крестьянина? Вѣдь вы чувствуете, хотя, быть можетъ, не убѣждены въ этомъ, что онъ стоитъ на краю пропасти. Что касается до меня—я съ научной точки зрѣнія занимаюсь положеніемъ альпійскаго крестьянства,—то для меня имя Розеггеръ обозначаетъ поэта погибающаго міра (bezeichnet der Name Rosegger den Dichter einer untergehenden Welt). Въ качествѣ естествоиспытателя, я нисколько не сентименталенъ и не ощущаю ни малѣйшей поэтической потребности спасти австрійскаго альпійскаго крестьянина отъ гибели, но я считаю это одною изъ моихъ научныхъ задачъ". Далѣе профессоръ Вилькенсъ указываетъ на выдающіяся качества альпійскаго крестьянина, которыя заставляютъ дорожить имъ. Прежде всего изумительная рабочая энергія, а затѣмъ нашъ ученый повторяетъ банальныя, избитыя въ нѣмецкой публицисти-

ческой и научной литературѣ фразы объ истинномъ крестьянствѣ, являющемся „соціальнымъ идеаломъ и оплотомъ противъ соціалъ-демократическихъ тенденцій". Вилькенсъ видитъ двѣ причины гибели альпійскаго крестьянства: тяжесть налоговъ, связанныхъ съ милитаризмомъ, и нераціональное натуральное хозяйство, которое неизбѣжно должно погибнуть въ окружающемъ его океанѣ современнаго денежнаго хозяйства. Только полное вытѣсненіе убыточнаго при данныхъ условіяхъ земледѣлія [1]) скотоводствомъ можетъ спасти альпійское крестьянство. Мы уже знаемъ, что Вилькенсъ не вѣритъ въ возможность альпійскому крестьянину уйти отъ надвигающагося на него конечнаго разоренія. О томъ, кто или что замѣнитъ разорившееся крестьянство, онъ умалчиваетъ. Между прочимъ, вѣнскій ученый говоритъ, что дѣти альпійскихъ крестьянъ, прошедшія земледѣльческое училище, не возвращаются къ хозяйству своихъ отцовъ, а предпочитаютъ идти въ управляющіе къ помѣщикамъ Любопытно также слѣдующее указаніе Вилькенса. Онъ со своими слушателями совершалъ неоднократно учебныя экскурсіи съ цѣлью непосредственнаго ознакомленія съ альпійскимъ хозяйствомъ и его условіями; при этомъ имъ руководила мысль, что кто-нибудь изъ молодыхъ людей „соблазнится перспективой быть самостоятельнымъ хозяиномъ на Альпахъ". Но до сихъ поръ не нашлось изъ слушателей Вилькенса ни одного человѣка, который бы рѣшился приложить свой трудъ и свои знанія къ усовершенствованію альпійскаго хозяйства. Не есть ли все это указанія, что передъ нами въ данномъ случаѣ дѣйствительно—какъ говоритъ корреспондентъ Розеггера—„eine untergehende Welt?"

Въ замѣчаніяхъ, которыми Розеггеръ сопровождаетъ письмо Вилькенса и другія письма, онъ повторяетъ мысли, высказанныя имъ въ изложенной выше статьѣ. Онъ или на самомъ дѣлѣ такъ наивенъ, или хочетъ быть настолько наивнымъ, чтобы имѣть право не понимать невозможность для альпійскаго, да и вообще средне-европейскаго крестьянина, при данныхъ условіяхъ производства, конкуррировать съ другими производителями на

[1]) Впрочемъ, въ горной Штиріи и сама природа поставила очень узкія границы земледѣлію. Здѣсь 11,4% всей площади представляютъ неудобную землю, 62,9% приходится на лѣсъ, 18,6% на альпійскія и др пастбища, 10% на пахатную землю, 8,2% на луга (Culturbilder aus Steiermark Graz. 1890 Der Boden Steiermarks u seine Benützung, von Prof Dr G Wilhelm, S. 11)

всемірномъ рынкѣ. Эта невозможность не фраза, а страшная истина. Розеггеръ говоритъ: „помилуйте, крестьянинъ не торговецъ (der Bauer ist kein Kramer“). Крестьянинъ можетъ прожить на своей землѣ, если только онъ не пріобрѣтетъ себѣ лишнихъ потребностей“. Но дальше поэтъ самъ себя же опровергаетъ, говоря, что то новое крестьянство, о которомъ онъ мечтаетъ и которое замѣнитъ теперешнее погибающее, будетъ лучше питаться, будетъ болѣе образованнымъ и т. д., вообще будетъ вести болѣе пріятную жизнь. Другими словами оно заведетъ себѣ много „лишнихъ“ потребностей. Розеггеръ упоминаетъ, что имъ получены также письма, заключающія рѣзкую критику его взглядовъ, но не приводитъ ихъ, а только вкратцѣ излагаетъ ихъ содержаніе и полемизируетъ со своими критиками — при чемъ эта полемика не отличается особенной сдержанностью и повторяетъ надоѣвшую уже всѣмъ фразу объ „экономическомъ либерализмѣ“, какъ причинѣ всѣхъ несчастій. Сочувственныя письма (ихъ напечатано девять) написаны крестьянами и крестьянками, лѣсничимъ, ученымъ архиваріусомъ, профессоромъ музыки, сельскимъ священникомъ. Одинъ изъ корреспондентовъ убѣждаетъ Розеггера послать свою статью съ письмомъ прямо германскому императору.

Нечего и говорить, что масса полученныхъ Розеггеромъ писемъ объясняется тѣмъ, что большинство издающихся на нѣмецкомъ языкѣ газетъ перепечатало или цѣликомъ, или въ извлеченіяхъ его статью.

Матеріалъ, изъ котораго можно было бы почерпнуть цифровыя, статистическія иллюстраціи разоренія австрійскаго и въ частности штирійскаго крестьянства, несмотря на свою неполноту, очень великъ. Частныя причины этого явленія настолько разнообразны и многочисленны, что одно голое ихъ перечисленіе, мало понятное для неподготовленнаго читателя, могло бы занять нѣсколько страницъ. Въ каждой странѣ Цислейтаніи существуютъ еще навѣрное мѣстныя обстоятельства, дѣйствующія въ томъ же направленіи, и такимъ образомъ интересующій насъ процессъ въ австрійскомъ народномъ хозяйствѣ представляетъ очень пеструю картину, въ которой весьма трудно разобраться. Мы ограничимся здѣсь нѣсколькими штрихами, относящимися спеціально къ Штиріи и заимствованными изъ цитированной уже выше книжки штирійскаго депутата Морре.

И тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ „рабочій вопросъ“. Онъ составляетъ, по словамъ Морре, „самое тяжелое звено въ той цѣпи, которая медленно, но неудержимо влечетъ крестьянъ-собственниковъ въ пропасть“, „послѣдній гвоздь, вколачиваемый въ гробъ австрійскаго крестьянства“. Сельскіе рабочіе оставляютъ деревни и бѣгутъ въ города. Прочь изъ деревни, съ крестьянскаго двора! На фабрику, въ городъ! вотъ лозунги, въ которыхъ выражается недовольство батраковъ. Депутатъ Штейнвендеръ (глава нѣмецко-національной партіи, которая опирается главнымъ образомъ на штирійскихъ и каринтійскихъ избирателей) сказалъ въ рейхсратѣ, что крестьянину грозитъ опасность съ двухъ сторонъ: со стороны крупнаго землевладѣнія, которое путемъ скупки поглощаетъ крестьянскіе участки, и со стороны батраковъ, которые своимъ бѣгствомъ въ города лишаютъ крестьянина необходимой для него подсобной рабочей силы. „Крестьянинъ долженъ имѣть батраковъ“,—говоритъ Морре и подкрѣпляетъ это требованіе безспорнымъ съ экономической точки зрѣнія указаніемъ на непригодность карликовыхъ хозяйствъ, которыя сами потребляютъ все то, что они производятъ. Для того, чтобы прикрѣпить батраковъ къ крестьянскому хозяйству, Морре развиваетъ проектъ страхованія сельскихъ рабочихъ на случай старости. Кстати замѣтимъ, что соотвѣтствующее предложеніе было имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ внесено въ штирійскій ландтагъ и тамъ признано заслуживающимъ подробнаго обсужденія и внимательной оцѣнки.

Задолженность штирійскаго землевладѣнія Морре иллюстрируетъ слѣдующими данными. Первая штирійская сберегательная касса (Sparkassen въ Австріи, какъ извѣстно, функціонируютъ въ качествѣ институтовъ поземельнаго кредита) имѣетъ ипотечныхъ требованій на 17.400 сельскихъ владѣній, что составляетъ почти 12 милл. гульденовъ. Въ 1888 г. въ это учрежденіе было подано 12.610 прошеній объ отсрочкѣ платежей. „Штирія,—продолжаетъ авторъ,—не самая бѣдная земля имперіи, существуютъ еще болѣе бѣдныя провинціи... ...Какъ же обстоитъ дѣло въ другихъ земляхъ, если въ Штиріи 70% ипотечныхъ должниковъ принуждены были просить объ отсрочкѣ платежей!“

Характерны слѣдующія слова Морре, избранника крестьянъ и завзятаго противника клерикаловъ: „Высокое значеніе школьнаго образованія признается и оцѣнивается если не всѣми безъ исключенія крестьянами, то во всякомъ случаѣ огромнымъ большинствомъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, я осмѣливаюсь утверждать, что

если сегодня духовенство обяжется содержать школы на свой собственный счетъ, то крестьянство тотчасъ отдастъ ему цѣликомъ (mit Haut und Haar) всѣ школы только потому, что крестьяне не могутъ покрывать издержекъ ихъ содержанія. Кто въ этомъ сомнѣвается, пусть обратится къ сельскимъ учителямъ, и изъ нихъ 99 на 100 подтвердятъ мои слова. Вообще правительство, если оно хочетъ слышать всю правду и пожелаетъ ее слушать, должно обратиться къ учителямъ. Учителя—единственные люди, которые могутъ точно сказать и скажутъ, *какъ* велика сельская нищета".

Въ заключеніе посмотримъ, что̀ говоритъ штирійскій депутатъ объ охотѣ, съ ролью которой въ разореніи лѣсныхъ крестьянъ читатели уже познакомились изъ нашего краткаго пересказа Розеггеровскаго романа. „Если обратиться къ послѣдствіямъ охоты за горнымъ звѣремъ,—говоритъ Морре,—то мы увидимъ быстрое уменьшеніе народонаселенія Между тѣмъ, напримѣръ, въ Верхней Штиріи, число оленей за послѣднія 15 лѣтъ ушестерилось. Истину этого утвержденія доказываютъ охотничьи газеты и общества, и характерно, что за послѣдній охотничій сезонъ одинъ собственникъ „охоты" въ своемъ участкѣ убилъ *шестьдесятъ* оленей. Много ли должно быть дичи, если одинъ стрѣлокъ можетъ убить столько оленей. Въ одномъ изъ судебныхъ округовъ Верхней Штиріи одинъ крупный земельный собственникъ скупилъ 45 крестьянскихъ хозяйствъ и согналъ съ горъ въ города почти 4.000 душъ. Въ Нижней Каринтіи однимъ крупнымъ землевладѣльцемъ было пріобрѣтено 50, въ Зальцбургѣ—28 мелкихъ владѣній Такъ процессъ идетъ все дальше и дальше, и теперь уже въ большей или меньшей степени всѣ горныя страны обезлюдѣли. Народная перепись уяснитъ правительству въ 1891 г., до какого положенія дошло крестьянство въ горныхъ земляхъ, и цифры, констатирующія поглощеніе мелкой поземельной собственности крупнымъ капиталомъ, и исчезновеніе батраковъ изъ крестьянскихъ дворовъ, явятся въ результатахъ предстоящей переписи серьезнымъ напоминаніемъ [1]). Тогда обнаружится, что число крестьянскихъ батраковъ, со времени послѣдней переписи, всюду уменьшилось по крайней мѣрѣ на

[1]) Перепись эта состоялась въ декабрѣ 1890 г и общіе результаты ея опубликованы, но детальная разработка ихъ, конечно, затянется на нѣсколько лѣтъ

10%, во многихъ же мѣстностяхъ почти на 20%...“ Экономистъ можетъ прійти къ различнымъ научнымъ и соціально-политическимъ выводамъ на основаніи приведенныхъ нами данныхъ смотря по тому, *какому* изъ двухъ народно-хозяйственныхъ моментовъ—производству или распредѣленію—онъ удѣляетъ первенствующее мѣсто. Но мы уклонимся здѣсь отъ всякихъ выводовъ, хотя они и напрашиваются сами собой, и предоставимъ каждому читателю сдѣлать ихъ сообразно своимъ научнымъ воззрѣніямъ и вкусамъ.

1892 г. Грацъ въ Штиріи.